

О правилах ударения в именных основах пушту

Данная статья посвящена попытке уточнения правил ударения в пушту в историческом аспекте. На основании этимологического анализа ряда морфологических категорий предлагается следующее объяснение траектории развития акцентуации в наиболее распространенных именных основах: исторические **ā*-основы и основы с суффиксом **-a-ka* сохраняют праиранское ударение, **a*-основы закономерно утрачивают окситонезу, а основы, которые дают в пушту зваракай или конечный долгий *-ā*, обобщают конечное ударение. Приведенные данные демонстрируют, что в пушту происходила масштабная разнонаправленная морфологизация изначального подвижного ударения.

Ключевые слова: пушту язык; ударение; праиранский язык; древнеиндийский язык; праиндоевропейский язык.

Язык пушту характеризуется разноместным свободным ударением и в этом отношении выделяется на фоне большинства современных иранских языков. Тем не менее, до середины XX в. эта его особенность не привлекала должного внимания исследователей. Так, Г. Хирт в посвященном ударению томе своей знаменитой «Индоевропейской грамматики» (Hirt 1929) касается развития ударения в отдельных группах индоевропейских языков, в частности, иранских. Описывая ударение в новоиранских языках, он сначала упоминает работы А. Мейе и его ученика Р. Готьё, посвященные ударению в древнеперсидском и согдийском, в которых исследователи впервые предположили, что ударение в этих языках в сущности напоминало ударение классического латинского, когда ударение падало на второй слог от конца в том случае, если он был долгим, и на третий слог от конца, если он был кратким, а в дальнейшем конечные заударные слоги отпали (Meillet 1897; Meillet 1900; Gauthiot 1916). Далее Г. Хирт с осторожностью характеризует выводы, содержащиеся в упомянутых работах, попутно касаясь описания ударения в пушту в таком авторитетном источнике, как «Основы иранской филологии»: «Ich kann die Richtigkeit dieser Arbeiten nicht beurteilen. Da ich kein Iranist bin, kann ich mich auf die Benutzung neuerschienenener Arbeiten nicht anlassen. Es ist aber bemerkenswert, daß sich in dem Grundriß der iranischen Philologie kein Wort über die Betonung des Afghanischen, des Balutschi oder des Neupersischen findet. [Von letzterem weiß man, daß der Hauptton mit einigen Ausnahmen auf der letzten Silbe ruht, offenbar, weil dahinter alles fortgefallen ist]» — «Я не могу подтвердить правильность (выводов) этих работ. Поскольку я не иранист, я не могу полагаться на использование недавно выпущенных работ. Но примечательно, что в Grundriß'e иранской филологии нет ни слова об ударении в афганском, белуджском или новоперсидском языках. [О последнем известно, что место основного ударения, за немногими исключениями, приходится на последний слог, очевидно, потому, что все заударные слоги выпали]» (Hirt 1929: 196). Утверждение об игнорировании описания ударения в пушту можно было бы распространить не только на Grundriß иранской филологии, но и на многие другие ранние работы, в том числе описательные и словарные: например, такой признанный специалист по языку пушту, как Г. Дж. Раверти, никак не обозначает ударение ни в своей грамматике (Raverty 1856), ни в словаре (Raverty 1867). Практически полное отсутствие сведений об ударении в пушту в посвященных этому

языку исследования прослеживается на протяжении всего XIX и первой четверти XX в.; подробный обзор истории вопроса содержится в работе (Bečka 1969: 8–14).

Последовательное обозначение и синхронное описание ударения в пушту впервые появляется в работах Г. Моргенштерне: в статье «Notes on the Pronunciation of Pashto» (Morgenstierne; Lloyd-James 1928) и в кратком этимологическом словаре словаря пушту (EVP 1927). На основании данных норвежского исследователя Г. Хирт предварительно отмечает основы, которые могут сохранять следы старого ударения: «So heißt es auch hier *at*¹ ‘acht’, ai. *aštāu*; *ōra* Wolke = ai. *abhrām*. Aber anderseits vergleicht er *bar* ‘on, above’ mit ai. *upāri*, wobei also der alte ton erhalten geblieben wäre». — «Так, здесь также приводятся *at* ‘восемь’, др.-инд. *aštāu*; *ōra* ‘облако’ = др.-инд. *abhrām*. Но, с другой стороны, он (Г. Моргенштерне) сравнивает *bar* ‘верх; на, наверху’, где, соответственно, должно бы сохраняться старое место ударения» (Hirt 1929: 197).

Начало масштабного изучения связи ударения в пушту с праиранским и индоевропейским ударением положено Г. Моргенштерне в статье 1942 г. «Archaisms and innovations in Pashto morphology» (Morgenstierne 1942), посвященной в первую очередь именной морфологии в историческом освещении. Во второй части статьи (с. 95–98; § 9–13) последовательно обсуждаются формы, указывающие на сохранение в пушту следов праиранского разноместного ударения. Норвежский исследователь указывает на ряд основ с сохранением архаического ударения, которые относятся к различным морфологическим классам (*áspa* ‘лошадь’ ~ вед. *áśvā-*; *stóray* ‘звезда’ ~ вед. *táraka-*) и справедливо отмечает, что прилагательные и имена на *-au* (< *-aka) могут иметь различное ударение в зависимости от баритонезы или окситонезы в праязыке.

Наконец, по-настоящему убедительные и проработанные результаты в отношении истории акцентуации в пушту были получены в 70-е гг. XX в. В. А. Дыбо, который в публикации «Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской этимологии» достаточно полно описал именные основы пушту с точки зрения ударения (Дыбо 1974). Исследователь на основании обширного материала пришел к выводу, что в целом именные основы могут быть поделены на баритонированные и окситонированные и место ударения в них совпадает с местом ведийского и праиндоевропейского акцента в соответствующих когнатах. Это касается и производных основ с историческим суффиксом **-a-ka*, которые характеризуются ударением «по контрасту». По формулировке автора, «непроизводные с точки зрения современного языка афганские имена на *-au* делятся на два акцентных типа: тип А с ударением на корне и тип В с ударением на основообразующем форманте. Сравнение показывает, что в тип А входят главным образом имена, образованные от индоиранских окситонированных основ, в тип В — имена, образованные от индоиранских баритон» (Дыбо 1974: 90). Как показывает исследователь, аналогичным образом были устроены и производные в ведийском языке (Дыбо 1974: 102–105). Кроме того, он считает, что именно ударение в языке пушту имеет большое значение для индоиранской реконструкции в том числе по той причине, что в ряде случаев место древнеиндийского словесного ударения различно в сравнении с праиндоиранским и праиндоевропейским (это касается в основном прилагательных и причастий), тогда как афганская акцентуация сохраняет следы более архаичной индоевропейской системы (Дыбо 1974: 75–77). Во второй части обсуждаемой работы, опубликованной на 15 лет позже, В. А. Дыбо показал, что распределение ударения в системе презенса в пушту также указывает на изначальное различие баритонированных и окситонированных основ.

¹ Здесь и далее формы языка пушту приводятся в авторской транслитерации.

Он описывает и реконструирует сложную и достаточно стройную систему акцентуации глагольных форм с энклитиками, в частности с частицей *na* 'не' (Дыбо 1989). Кроме того, в 1972 году В. А. Дыбо кратко указал на реликты разноместного ударения в языке йидга (Дыбо 1972: 43–44), а также в дардских языках дамели и шина (Дыбо 1972: 38–42). Более подробный разбор ударения в языке шина, а также дамели в сравнении с индоиранским и индоевропейским состоянием был позднее опубликован в статье Дыбо 2011.

Результаты работ В. А. Дыбо были в целом приняты советскими иранистами и послужили основой для акцентологических описаний пушту в работах Грюнберг 1987, Грюнберг & Эдельман 1987, а также широко цитируются при разборе соответствующей лексики в «Этимологическом словаре иранских языков» (ЭСИЯ). Также интересующая проблема в свете новых данных с привлечением дополнительного материала была вновь рассмотрена Г. Моргенштерне (Morgenstierne 1973; Morgenstierne 1983). Некоторые идеи, высказанные в последней статье, имеют особенное значение для настоящей работы и будут упомянуты при дальнейшем изложении.

Предпринимались попытки описать акцентуацию пушту и ее историю и с других позиций. Л. Г. Герценберг предложил рассматривать афганское ударение в рамках концепции, напоминающей те, что применялись для описания исторического развития акцентуации в древнеперсидском и особенно в согдийском: исследователь постулировал различие тяжелых и легких основ в восточноиранском и полагал, что в истории пушту в двусложных основах происходило перемещение ударения на конечный тяжелый слог в том случае, если первый был кратким, тогда как ударение оставалось на первом тяжелом слоге (Герценберг 1981; Дыбо 1990: 10–11). Но В. А. Дыбо отметил в критической статье, что «ритмическая концепция Герценберга» не выдерживает проверки фактами и оказывается избыточной «в связи с полной тождественностью системы афганского разноместного ударения ведической» (Дыбо 1990: 12). Также стоит еще раз отметить относительно позднее происхождение «ритмического закона» для согдийского и невозможность его проекции на праиранский или правосточноиранский уровень (Novák 2013: 75–81), что является дополнительным аргументом против подобной гипотезы.

Дж. Ченг в своей статье, специально посвященной ударению в пушту, частично отвергает объяснение, предложенное В. А. Дыбо (Cheung 2010). Исследователь также критически рассматривает концепцию Л. Г. Герценберга, отмечая, что деление на тяжелые и легкие слоги по образцу других иранских языков, предложенное последним, выглядит произвольным (Cheung 2010: 111), и после рассмотрения материала предлагает свою достаточно сложную систему описания двух-, трех- и четырехсложных форм в пушту.

Согласно Дж. Ченгу, для праиранских двусложных форм надо различать 4, а для трехсложных — 3 случая последовательности кратких и долгих слогов, что в конечном счете оказывает влияние на ударение словоформ.

1. Последовательность $\sim\sim$: *orá* 'облако' < **abrá-*, *nar* 'муж, мужчина, самец' < **nára-*, *psá* 'овца' < **paśú-*;

2. Последовательность $\sim\sim$: *as* 'конь' < **áswa-*, *gwaḡ* 'ухо' < **gáuša-*; *nən* 'сейчас' < **nūnám*, *skam* < **skambá-*, прилагательные *mər* 'мертвый' (< **múrdū* < **mṛtú*) < **mṛtám* (sic!), *pən* 'полный' (< **púrnu* < **pṛnú*) < **pṛnám* (sic!), *kuṛ* 'глухой' < **karná-*; *stər* 'большой' < **sturá-*; *um*, *om* 'сырой' < **āmá-*; *yaw*, *yow* 'один' < **aiwá-*; *žər* 'быстрый' < **jírá-*.

3. Последовательность $\sim\sim$: *mlā* 'поясница' (< **melá*) < **máidyā-*; *níná* 'поджаренное зерно' (< **lená*) < **dāinyā-*; *p(ə)lá* f., pl. *p(ə)lé* (< **pēlá*) 'жила, нерв' < **páidyā-*.

4. Последовательность $\sim\sim$: e.g. *áspa* 'лошадь, кобыла' < **áswā-*, *lúma* < 'силок, петля' < **dāmā-* и т. д.

На основании рассмотренного материала Дж. Ченг формулирует три правила:

- a. Старое ударение удерживается в словоформах с двумя легкими слогами.
- b. Ударение падает на тяжелый слог в словоформах с одним тяжелым и одним легким слогом вне зависимости от места первоначального ударения (последовательности 2–3).
- c. Старое ударение удерживается в словоформах с двумя тяжелыми слогами.

Для трехсложных словоформ:

1. Последовательность $\sim \sim \sim$: *bən* ‘одна из жен; жена многоженца по отношению к другим’ < **hapáθni-*; *gúta* ‘палец’ < **anguštā-*, *jən* ‘девушка’ < **ka'níni-*.
2. Последовательность $\sim \sim \sim$: *dwólas* ‘двенадцать’ < **dwádaša-*; *zyar*, *zyára* ‘желтый’ < **zárita-*, **záritā-* (с предполагаемой ранней потерей второго слога).
3. Последовательность $\sim \sim \sim$: *awá* ‘семьдесят’ < **haptaiti-*, *calór* ‘четыре’ < **čaθwārah*. Относительно праформы **haptaiti-* и подобных праформ числительных (**dēš* < **θri(n)sáti-*, *nawé*, *n(i)wí* < **nawaiti-*, *šəl*, *wšəl* < **wi(n)saiti-*), а также прилагательного *zyar* < **zárita-* необходимо отметить, что этимологически срединные в числительных и начальный в прилагательном слоги содержат краткий **a*, а автор никак не поясняет его удлинение. Вставка *i* должна отражать палатализацию последующего согласного, а не образование дифтонга, поэтому в данном случае больше половины примеров сомнительны.

Соответственно, на основании приведенных случаев выводится одно правило:

- a. Ударение в трехсложных словах обычно падает на предпоследний слог, за исключением тех случаев, когда ударение изначально падало на сильный начальный слог (Cheung 2010: 117–118).

В статье, посвященной связи между системами ударения в пушту, парачи и ормури, мы уже касались проблем концепции Дж. Ченга. Основными являются слабая верифицируемость набора правил в связи с его сложностью: так, закрытые слоги считаются долгими, что не позволяет во многих случаях различить, стоит ли ударение на первом слоге в связи с тем, что наследует по месту праиранскому, или здесь работает правило с долготой. Указание на случаи вроде **zárita-* и **haptaiti-*, где долгота слога вообще не ожидается, в значительной мере заставляет усомниться во всей методологии Дж. Ченга. Также можно выделить целый ряд контрпримеров, что опять же уменьшает вероятность того, что правила работают, при их количестве даже небольшая группа контрпримеров вызывает сомнения.

Можно отметить, например, такое исключение, как *wápa* ~ *wína* ‘дерево’ < **wánā-*, начальное ударение которого Дж. Ченгу приходится объяснять как результат аналогического переноса из композитов вроде *xa-wína* ‘оливковое дерево’ (Cheung 2010: 115), что не кажется правдоподобным. Ниже будут рассмотрены и другие случаи.

Следует отметить, что Дж. Ченг дает высокую оценку работе Й. Бечки (Bečka 1969), которая посвящена в основном синхронному описанию ударения в пушту и наблюдению за определенными классами случаев не с исторической точки зрения. По его словам, «исторические лингвисты обычно упускают из виду эту работу, но на самом деле она по-прежнему актуальна для общей оценки ударения в истории пушту» (Cheung 2010: 109). Действительно, в своей книге чешский исследователь достаточно полно описывает состояние акцентуационной системы современного языка пушту. Ценными, в частности, являются его статистические подсчеты, относящиеся ко всем словам и отдельным категориям слов с определенными суффиксами.

Статистические данные, полученные И. Бечкой на основании обработки одной пятой наиболее полного словаря М. Г. Асланова, однозначно указывают на то обстоятельство, что в пушту значительная доля слов может иметь только конечное ударение или имеет выраженную тенденцию к конечнударности, а именно 68,3 процента всех слов (Ве́чка 1969: 57–58). С другой стороны, именно те два морфологические класса слов, которые изначально были описаны Г. Моргенштерне и — более подробно — В. А. Дыбо как надежно сохраняющие следы старой акцентуации, демонстрируют отклонение от общего распределения. «В словаре Асланова 307 слов, заканчивающихся на ‘-a’ и начинающихся на буквы алиф, *ṭ*, *ṣ* и *ḍ*; 139 из них имеют ударный, 168 — безударный ‘-a’. В их число не входят слова, заканчивающиеся суффиксом *-āna*, число которых очень велико». Далее, «слов, заканчивающихся на /ay-/ под буквой *b*, 189, из которых 99 имеют ударение на последнем слоге (/ay-/ является ударным) и 90 имеют ударение на слоге, отличном от последнего (/ay-/ является безударным)» (Ве́чка 1969: 95). Здесь же имеет смысл привести наблюдение Г. Моргенштерне относительно *ā-основ: «Besonders deutlich tritt diese Unterscheidung zwischen Oxytonen und Barytonen in den Feminina von zwei Klassen von Adjektiven hervor:

Vgl. *wúč-a* f. ‘trocken’; *spín-a* f. ‘weiß’; *zyár-a* f. ‘gelb’, usw. : Ved. *śúṣkā*; *śvítṇā*; *hárītā*. Dagegen: *sra* (m. *sur*) ‘rot’; *paxá* (m. *pox*) ‘reif, gekocht’; *tərwá* (m. *trīw*) ‘sauer’; *saṛá* (m. *soṛ*) ‘kalt’ : Ved. *śukrá*; *pakvā*; *tīvrā*; Lit. *šaltá* (m. *šáltas*). — «Особенно отчетливо это различие между окситонами и баритонами выступает в женском роде двух классов прилагательных»: ср. *wúč-a* f. ‘сухой’; *spín-a* f. ‘белый’; *zyár-a* f. ‘желтый’, и т. д. : вед. *śúṣkā*; *śvítṇā*; *hárītā*. Напротив: *sra* (m. *sur*) ‘красный’; *paxá* (m. *pox*) ‘спелый, готовый’; *tərwá* (m. *trīw*) ‘кислый’; *saṛá* (m. *soṛ*) ‘холодный’: Ved. *śukrá*; *pakvā*; *tīvrā*; Lit. *šaltá* (m. *šáltas*)» (Morgenstierne 1983: 169).

Анализ, проведенный И. Бечкой, свидетельствует также не в пользу правил В. А. Дыбо и Дж. Ченга в том виде, в котором они были первоначально сформулированы. Очевидно, что чисто фонетические преобразования вряд ли могли обеспечить такой перевес конечнударным словоформам.

Соответственно, для уточнения исторических аспектов развития системы ударения в пушту, в целом наиболее подробно и адекватно описанной с синхронической точки зрения И. Бечкой и с диахронической — В. А. Дыбо — требуется ряд поправок, которые помогут разграничить наиболее архаичные случаи и определенные инновации, действие которых и предопределило безусловное преобладание многосложных конечнударных форм по сравнению с имеющими ударение на слогах, отличных от последнего. Достаточно перспективным представляется поиск причин данного распределения в морфологизации акцента в определенных классах основ, а также в появлении значительного количества ударных суффиксов, которые перечислены в работе (Ве́чка 1969: 84; 91–93).

Праиранские *a-основы

Последовательное рассмотрение форм прилагательных в мужском роде и других слов, продолжающих основы на *-á в пушту, приводит к выводу, что их закономерным рефлексом в пушту являются такие слова, как *mər* ‘мертвый’ < **mṛtá-*, *sur* ‘красный’ < **suxrā-* и т. д., с потерей конечного согласного, неотличимые в мужском роде по форме от рефлексов баритонированных основ праиранского. Именно этим обстоятельством объясняются некоторые мнимые отклонения от исторической окситонезы, которые

вступают в противоречие с правилами В. А. Дыбо и Дж. Ченга. Также подобные изменения затрагивают некоторые окситонированные основы на **i/ī*. В предлагаемом списке, начиная с 19 примера, будут приведены основные прилагательные, имеющие окситонезу в женском роде и при этом односложную форму в мужском без дополнительных подробных пояснений относительно их этимологии — более полные сведения об их происхождении могут быть обнаружены в (NEVP) и (Дыбо 1974: 81–82).

1. *bəl*, ванечи *bī*, *biya* f. ‘второй’ < **dwityá-* или **dwitá-*; ср. др.-инд. *dwitá-* ‘имя божества’, буквально ‘второй’ (NEVP: 14). Данный пример с точки зрения акцентуации осложняется тем, что форма женского рода в пушту имеет вид *bála*, а не # *bálá*. В свете данных ванечи может быть предпочтительнее праформа **dwityá-*, именно она приводится в (ЭСИЯ-2: 486), хотя для пушту не исключается и возможность возведения к **dwitá-*.

2. *cer* m. ‘подобие’ < **čitrá-*, ср. др.-инд. *citrá-* ‘очевидный, заметный; ясный’ (NEVP: 18). Окситонеза доказывается наличием параллельного существительного женского рода *cerá* ‘внешность, наружность, облик, лицо; вид, форма, образ; рисунок, картина и т. д.’ (ПРС: 350; Дыбо 1974: 80). Г. Моргенштерне уверенно относит *cerá* f. ‘рисунок, картина’ к заимствованиям из персидского, где рефлекс классической формы *čihra* с базовым значением ‘лицо, облик’ может произноситься как *čēra* (EVP: 17), однако, на наш взгляд, можно в лучшем случае думать о контаминации унаследованной и заимствованной основ в разных значениях. Поэтому более обоснованным представляется подход составителей «Этимологического словаря иранских языков», которые колеблются между версией об образовании пшт. *cerá* из **čitra-* + *-ā* и предположением о раннем заимствовании из персидского (ЭСИЯ-2: 258). Что касается семантики, в древнеиндийском от рассматриваемого выше прилагательного *citrá-* засвидетельствованы производные существительные со значениями, близкими тем, что наблюдаются в персидском и пушту: др.-инд. *citrá-* ‘Glanz; Schmuck(stück); Gemälde, Bild; Wunder’ (Mylius 1975: 157).

3. *car* m. зап. ‘пастьба, выпас’, *cará* f. ‘пастбище, выгон’ < **čartá-* и **čartā-*, ср. др.-инд. *caritá-* ‘ходьба, хождение’. В данных словах содержится незакономерный рефлекс *a* — перед группой согласных праиранский **a* регулярно дает пшт. *ā* (Грюнберг-Эдельман 1987: 21; Cheung 2011: 171–172), но такое развитие может быть обусловлено влиянием заимствованной из персидского глагольной основы *car-* ‘пастись’ (NEVP: 18).

4. *čār* m., *čārā* f. ‘работа’ < **kāri-*, др.-инд. *kāri-* ‘действие’ (NEVP: 20). Возможно, в истории пушту произошел переход в **a*-основу. Здесь стоит отметить, что ударение *čārā*, указанное Г. Моргенштерне, противоречит данным других источников: данное слово имеет облик *čāra* f. ‘работа; дело’ в русскоязычных словарях, а конечное ударение отмечено для *čārá* ‘средство, способ, выход; лекарство’ (КАРС: 185; ПРС: 308). Соответственно, данный случай сомнителен.

5. *γal* m. ‘вор’ при *γla* f. ‘воровка’ < **gadā-* и **gadā-*, ударение устанавливается по основе женского рода (NEVP: 30). В древнеиндийском засвидетельствован корень *gadh-* ‘схватывать, захватывать’ в позитивном и негативном планах, ясное производное которого с ударением на корне — *gādhyā-* ‘добыча’; дальнейшая этимология представляется менее надежно установленной. Если традиционно сравнивать с лит. *gōdas* ‘алчность, жадность’ и др.-ирл. *gataim* ‘уношу, ворую’ < и.-е. **g^hed-*, **g^hend^h-* (ЭСИЯ-3: 100–101; IEW: 437–438), можно отметить, что В. А. Дыбо реконструирует окситонированное имя **ghādhós* на основании лит. *godūs* ‘жадный’ и относит глагол **ghādhāmi* > **ghādhāmi* > др.-ирл. *gataim* ‘краду, ворую’ к разряду образованных от окситонированных имен (Дыбо 1961: 22). Со-

ответственно, праязыковая окситонеза может предполагаться и на основании внешних данных.

6. *γul* m. pl. ‘кал, экскременты’ < **gūthá-*, ср. др.-инд. *gūthá-* ‘экскременты; грязь; нечистоты’ (NEVP: 30). В словаре Асланова представлен вариант данной лексики *γвул, γвал* m. pl. ‘кал, испражнения’ (ПРС: 618); это же слово в записи *гул (γвал)* m. pl. приводится в качестве перевода русского слова *кал*, а *гул* m. pl. без фонетических вариантов дается как эквивалент рус. *экскременты* в словаре (РАСП: 257; 804). Форма, засвидетельствованная в словарях Г. Моргенштерне и К. А. Лебедева, принадлежит диалекту вазири согласно (ЭСИЯ-3: 294).

7. *γar* m. ‘гора’ < **gará-* при более ранней праформе **garí-* ‘гора’ (NEVP: 32). На переход из **i*-основы в тематическую могут указывать также согдийские и ягнобские данные: ср. согд. *γr-* [*γar-*] ‘гора’ и ягн. *γar* ‘гора; перевал’ «при ранней утрате **i* и отсутствии умлаута» (ЭСИЯ-3: 191).

8. *māt* ‘сломанный’ < **maštá-*, от праиранского глагола **maž-*, который не сохранился в пушту (NEVP: 53). Ввиду отсутствия надежных древнеиндийских параллелей окситонеза предположительная, но вероятная в причастии на **-ta* (неясно, может ли пушту показывать следы праязыковой баритонезы в **-to*-причастиях подобно европейским языкам).

9. *muṭ*, ванечи *mīt* m. ‘кулак; горсть’ < **mušti-*, ср. авест. *mušti-*, др.-инд. *muṣṭi-* m. ‘кулак’ (NEVP: 53). Гласный в ванечи должен указывать на умлаут, соответственно, переход в **a*-основу невероятен.

10. *nal* m. ‘тростник, трубка’ < **nadá-*, ср. др.-инд. *naḍá-* m. (n.) ‘тростник’, *nadá-* m. ‘тростник’ (NEVP: 56). Древнеиндийское слово считается унаследованной основой с индоевропейской этимологией, ср. хетт. *nata-*, *nati-* ‘тростник, трубка для питья; стрела’, лув. *natatta* ‘изделие из тростника’, арм. *net* ‘стрела’ (EWAia II: 7–8; ЭСИЯ-5: 415–417, Yakubovich, Mouton 2023, I: 67). На окситонезу указывают также формы собственно пшт. *nalá-* f. ‘трубка’ и вазири *nalla* f. ‘large hollow reed; urethra’ (NEVP: 56), где в **ā*-основе женского рода переход из окситонезы в баритонезу ожидаемо не происходит.

11. *nən* ‘сегодня’ < **nīnám*, ср. др.-инд. *nīnám* ‘сейчас’ (NEVP: 57).

12. *pal* m. ‘ступня, след ноги’ < **padá-*, ср. др.-инд. *padá-* n. ‘шаг, след ноги, отпечаток ноги; место’ (NEVP: 62). Как отклонение в отношении акцентуации рассматривается Дж. Ченгом — данное слово очевидно противоречит сформулированным им правилам (Cheung 2010: 113). На самом деле это закономерный рефлекс, как показывают остальные случаи.

13. *skām* m. ‘стойка, столб’ < **skambá-*, ср. др.-инд. *skambhá-* m. ‘шест, столб; колонна’ (NEVP: 73).

14. *səl* ‘сто’ < **śatá-*, ср. др.-инд. *śatá-* ‘сто’ (NEVP: 74). Как и в случае с лексемой *bəl* ‘второй’, форма не соответствует ожиданиям Дж. Ченга, поскольку в последовательности двух кратких слогов не должен происходить перенос ударения. Как и для *bəl*, он предлагает видеть промежуточные праформы **slə*, **blə* с метатезой начальных кластеров **sl-* и **bl-* (Cheung 2010: 115; Cheung 2011: 182), но утверждение о том, что для пушту начальный кластер *sl-* и подобные являются неприемлемыми, не соответствуют действительности: ср. *slet*, *sleṭ* m. ‘трифельная доска’ и *slex*, *slixt* m. ‘клей; вязкость, клейкость; прилипший’, *zrə* ‘сердце, душа’ и т. д.

15. *triw* m., *tarwá*, *trawá* f. ‘кислый (на вкус); солоноватый, соленый (о воде); пахта; вид соленого сыра’ < **tīwra-*, ср. др.-инд. *tīvrá-* ‘сильный, резкий, острый’ (NEVP: 83).

16. *wand* m. ‘плотина, ров’ < **bandá-*, ср. др.-инд. *bandhá-* m. ‘цепь, связка’ (NEVP: 88; Cheung 2011: 174).

17. *wuz* ~ *wəz* m. ‘козел’; *wəzá*, *wza*, также *uzá*, *bza* и *bezá* f ‘коза’ < **būzá-* и **būzá-*; ударение устанавливается по форме женского рода (NEVP: 94).

18. *šəl*, вазири *šəl* m. ‘лестница из камней и земли’ < **śritá-*, ср. др.-инд. *śritá-* ‘прислоненный’ (NEVP: 98). Сомнительный случай, потому что в словаре М. Г. Асланова засвидетельствовано *ḫal* m. ‘лестница’ (ПРС: 566), а также *шал* m. ‘лестница’ (ПРС: 551) с другим вокализмом, не выводимым из праир. **i*.

19. *úm*, f. *umá* ‘сырой, недоваренный; неспелый, незрелый’ < **āmá-* (NEVP: 8).

20. *sur*, f. *srá* ‘красный, алый; румяный’ < **suxrā-*, авест. *suxra-* ‘красный’ (NEVP: 75).

21. *póx*, f. *paxá* ‘сваренный, вареный, спелый, зрелый’ < **paḫwá-* (NEVP: 67).

22. *sōṛ*, f. *saṛá* ‘холодный, прохладный’ < **śartá-*, авест. *sarta-* ‘холодный’ (NEVP: 76).

23. *tód*, f. *tawdá* ‘теплый, горячий, жаркий’ < **taptá-*, авест. *tafta-* (NEVP: 81).

24. *máṛ*, f. *mṛá* ‘мертвый, умерший’ < **mṛtá-* (NEVP: 51).

25. *tríx*, f. *tərxá* ‘горький, соленый’ < **taxra-* (NEVP: 83–84).

26. *kəṛ*, f. *krá* ‘сделанный’ < **kṛtá-* (NEVP: 40).

27. *pəṛ*, f. *prá* ‘виновный, виноватый; побежденный’ < **pṛtá-* (NEVP: 65).

28. *post*, f. *pastá* ‘мягкий; нежный’ < **pastá-* < **padtá-* (NEVP: 66).

29. *wəṛ*, f. *wəṛá* ‘(при)несенный’ < **bṛtá-* (NEVP: 92).

30. *wrost*, f. *wrastá* 1 ‘гнилой, испорченный; разложившийся, тухлый’ < **fristá-* ? с неясным вокализмом (NEVP: 91).

31. *wrost*, f. *wrastá* 2 ‘рваный, изношенный; истрепанный, пришедший в негодность (о денежном знаке)’ < **wirastá-* < **wi-rad-tá-* или **wa-rastá-* < **awa-rad-tá-*, ср. (ЭСИЯ-6: 328–331).

32. *prot*, f. *pratá* ‘лежащий; живущий, находящийся где-л.’ < **parā-wastá-* (NEVP: 65).

33. *writ*, f. *writá* ‘жареный’ < **brixtá-* (NEVP: 91).

34. *moṛ*, f. *maṛá* ‘сытый; удовлетворенный; состоятельный, богатый’ < **hwartá-* (NEVP: 52, 59).

35. *zoṛ*, f. *zaṛá* ‘старый (о людях)’ < **zār(a)tá-* (NEVP: 103).

36. *woṛ*, f. *waṛá* ‘маленький, мелкий; небольшой, невысокий; незначительный’ < **wṛtá-* ? (NEVP: 92).

Основы на зваракай

Абсолютно все слова, имеющие окончание *-ə*, имеют ударение на данной фонеме, для которой в афганистике используется традиционный термин зваракай (пшт. *zwarakáy* ~

zwarákáyu). В этом смысле с синхронной точки зрения мнимы исключения, которые приводит В. А. Дыбо в разделе своей статьи, называемом «Примеры окситонезы вместо ожидаемой баритонезы»: *mḗrǎ* m. ‘мужчина, муж’ < **márt(i)ya*- и *pinjǎ* ‘пять’ < **pánća*- с определенной трансформацией основы (Дыбо 1974: 87–89), на странность рефлекса -ǎ в слове ‘пять’ указывается в (Morgenstierne 1973a: 109). Также необходимо отметить, что Г. Моргенштерне осознает данную проблему и высказывает определенные осторожные суждения относительно происхождения конечного ударного зварака: «Warum finden wir hier -ǎ, nicht -a, und warum ist die Endsilbe betont? Zur ersten Frage kann ich nur sagen, daß es mir in mehr als 50 Jahren nicht gelungen ist, die Verteilung von finalem -a und -ǎ in allen Einzelheiten zu erklären. Trotz aller Bemühungen geht die Patience für mich nicht völlig auf. — Gehen wir aber von -ǎ aus, so ist dieser Laut im Pscht. immer betont. Die einzige Möglichkeit, *sārǎ* und überhaupt das dreistufige Ablautsystem zu verstehen, scheint mir daher die Annahme zu sein, daß -ǎ sekundär den Akzent an sich gezogen hat, ohne daß ich diesen Vorgang erklären kann». — «Почему мы находим здесь -ǎ, а не -a, и почему конечный слог является ударным? На первый вопрос я могу только ответить, что мне не удалось за более чем 50 лет объяснить распределение конечных -a и -ǎ во всех деталях. Невзирая на все усилия, мое терпение в полной мере не помогает. Единственную возможность понять *sārǎ* и в целом трехчленную систему аблаута предоставляет, как мне кажется, предположение о том, что -ǎ вторично перетягивает на себя ударение, несмотря на то, что я не могу объяснить этот переход» (Morgenstierne 1983: 172–173). В рамках данной работы я также не могу провести полную реконструкцию исторического развития конечных гласных пушту и их точного происхождения, а также не могу объяснить наличие в основах прилагательных одновременно *ō*, *ā* и *a* в разных падежных формах, восходящих к **a*. Данная проблема требует дальнейшего рассмотрения с опорой на работу (Cheung 2011), в которой сделаны многие ценные наблюдения и предложены конкретные удачные решения. С другой стороны, как кажется, можно сделать ряд предварительных замечаний о связи конечного зварака с определенными типами основ.

Любопытно отметить, что практически все имена на зваракай, отмеченные в (Дыбо 1974: 82–83), содержат суффиксы *-(i)ya или *-(u)wa, имеют дублиеты в женском роде или являются pl. tantum, соответственно, во многих случаях их зваракай *ǎ* может продолжать *-(i)ya, *-(u)wa или **-āh*. Впрочем, как уже было сказано, однозначная диахроническая интерпретация на данном этапе исследования морфологии и сравнительной фонетики пушту не представляется возможной.

Имена с суффиксом *-(i)ya

1. *lewǎ* m. ‘волк’ < **daiw(i)ya*-, ср. др.-инд. *devyām* n. ‘божественное достоинство’ (NEVP: 45–46). В. А. Дыбо предполагает непосредственное возведение рассматриваемого слова к праир. **daiwa*- ‘дэв’ и привлекает для сравнения др.-инд. *devá*- ‘бог, брахман, царь’ и прилагательное *devá*- ‘божественный’, указывая, что «поправка Г. Моргенштерне (< *daēvyā* (sic!) ‘daevic’), по-видимому, излишня» (Дыбо 1974: 82). Однако в свете изложенных выше соображений и данных, согласно которым **a*-основы с исходной окситонезой теряют ее в пушту и выглядят так же, как исконно баритонированные имена, правильной должна быть именно реконструкция **daiw(i)ya*-.

2. *ōwrǎ* m. sg. (и pl.) ‘облако’ < **abr(i)ya* (хотя отсутствуют следы палатализации гласного, NEVP: 10). Не стоит ли в таком случае предполагать, что форма *ōwrǎ* изначально множественного числа и -ǎ < **-āh*? Трактовка Дж. Ченга напрямую из **abrām* сомнительна (Cheung 2011: 180).

3. *trə* ~ *tərá* m. ‘дядя по отцу’ < **pitrv(i)yá-*, ср. др.-инд. *pitrvyá-* ‘дядя по отцу’.
4. *wrārə* m. ‘племянник (сын брата)’ < **brātrv(i)yá-*, ср. др.-инд. *brātrvyá-* ‘племянник’.
5. *ūmá* m. ‘эфедра, хвойник’ < **haum(i)yá-*, ср. др.-инд. *somyá-* ‘относящийся к соме, связанный с сомой’.
6. *čārə* f. ‘нож, короткий меч, бритва’ < **kartí-* или **kart(i)yá-*, ср. др.-инд. *krtí-* ‘род кинжала, нож мясника’;
7. *rāšə* f. ‘груда зерна, хлеб (на току); продукты, продовольствие’ < **rāśi-* или **rāśi-(yá)-*, ср. др.-инд. **rāśi-* ‘куча, груда, множество, масса’;
8. *zrə* m. ‘сердце, душа’ < **zrdyá-* < **zrdíya-*, ср. греч. *καρδία* ‘сердце’.

Имена с суффиксом *-(u)wa

9. *psə* m. ‘баран; диал. мелкий рогатый скот’ < **paśú-* или **paś(u)wá-*, ср. др.-инд. *paśú-* ‘мелкий скот, жертвенное животное, скотина’.
10. *wāzə* f. ‘сажень, мера длины, равная 2, 134 м.; шаг (коня)’ < **bāzú-* или **baž(u)wá-*, ср. др.-инд. *bahú-* ‘рука, предплечье; мера длины’.

Имена, имеющие дублиеты женского рода или pl. tantum

11. *murə*, *məryə* m. ‘птица (часто хищная)’ < **mrgá-*, ср. др.-инд. *mrgá-* ‘дикое животное, птица; дичь; газель, антилопа, олень и др.’. В диалекте вазири есть форма *marə* f. ‘небольшая птица’ < **mrgá-* или **margá-*. Более того, в пушту распространены производные с незакономерной окситонезой *məryá* ‘пташка’ и *məryə*, *marə* ‘птичка, пташка’ < **mrgáka-* < *mrgaká-* и **mrgākā-* < **mrgākā-* (NEVP: 51; ЭСИЯ-5: 381). Орм. лог. *morgá*, кан. *mirgá* ‘воробей, пташка’ могут быть рефлексамии **mrgá-*, особенно если учесть, что в канигурамском диалекте это слово женского рода (Ефимов 1986: 127).

12. *bāṇə* m. sg. и pl. ‘ресница, ресницы’ < **parṇá-*, ср. др.-инд. *parṇá-* ‘крыло, перо; лист; оперение стрелы’, наряду с *bəṇá* ‘перо’ и *bāṇá* ‘ресница’ (NEVP: 15); по всей видимости, данная лексема может восходить к pl. tantum **parṇāh*. Необходимо отметить наличие основы *bāṇú-* ‘ресница’ (ПРС: 107).

13. *γārmə* m. ‘жара, зной; жар солнца’, в отдельных диалектах ‘солнце’ < **garmá-*, ср. др.-инд. *gharmá-* ‘солнечное тепло, жар; жаркое время года, день’, греч. *θερμός* ‘теплый, горячий, жаркий’. Наряду с основой мужского рода засвидетельствовано *γārmá* f. ‘полдень’ (NEVP: 32). Безусловно, три последних слова являются наиболее сложными для трактовки: приходится констатировать, что ударный зваракай продолжает окситонезу вопреки сформулированному выше правилу, возможно, под влиянием параллельных однокоренных форм женского рода на -á < *á. Важно отметить, что две из трех обсуждаемых праиранских основ, **parṇá-* и **garmá-*, имеют перед тематическим гласным консонантный кластер, а праформа **mrgá-* также может быть реализована на промежуточном этапе с медиальным кластером *-rg-.

14. *mazgə*, *māgzə* m. pl. ‘костный мозг, мозг’ < **mazgá(n)-*, ср. др.-инд. *majján-* m. ‘костный мозг’ и *majjá-* f. ‘костный мозг; середина растения’. Pl. tantum, ср. рус. *мозги*. Непонятно, является ли рассматриваемая форма старой, то есть *mazgə* < **mazgāh* или к основе

на более позднем этапе присоединяется ударное окончание? В любом случае в пушту не **n*-основа.

15. *šaudá, šōdá* m. pl. ‘молоко’ < **xšwiptá-*, ср. др.-инд. *kṣiptá-* ‘брошенный, выгнанный’.

Для данной основы наблюдается значительная вариативность в оформлении, в том числе диалектная, но можно отметить преобладание форм множественного числа в словаре М. Г. Асланова: «*шодá* мн. м. и редко *шодá* ж. вост. ’1) молоко; 2) млечный сок растений, латекс’; *шодé, шудé* мн. ж. диал. ‘молоко’» (ПРС: 555). Дублиеты женского рода *шудá* и *шудé*² отмечены в словаре (КАРС: 346; 348). В словаре Лебедева приводятся формы *шидé* и *шодé* f. pl. (РАСП: 336).

К рассмотренным 15 примерам, которые разбираются в статье (Дыбо 1974), можно добавить дополнительные случаи из этимологического словаря пушту Г. Моргенштерне:

16. *obá* f. pl. ‘вода’ (NEVP: 7). Несмотря на др.-инд. N. pl. *ápās*, ударение падает на конечный зваракай. Дж. Ченг, правилу которого противоречит данный случай, предполагает добавление окончания -*a* в более позднюю эпоху к **ob* (Cheung 2011: 178).

17. *olá* m. ‘сакман, сакмал (стадо ягнят)’ < **wāθβiwa-*, ср. авест. *uiqθβa-* n., *uiqθβā-* f. ‘стадо’ (NEVP: 8). Весьма вероятна такая реконструкция, но нет внешних данных для установления характера первоначального ударения данной основы.

18. *oṛá* m. pl. ‘мука’ < **ā-rtāh* (NEVP: 10). Акцентуация праформы неясна.

19. *bejá* f. ‘stone slab to cover the niche of a sepulchre’ < **ura-čayā-* ? (NEVP: 14).

20. *kālá* ‘дóма’ < **kātāh* ? (NEVP: 38). Форма определенно связана с *kor* m. ‘дом’ (NEVP: 38).

21. *lemá* m. pl. ‘глаза’ < **daimā(h)-*, ср. авест. *daēman-* ‘глаз, глазное яблоко (дэвовского существа)’ (NEVP: 43). Подобно рассмотренной выше основе *mazgá, māgzá* m. pl. ‘костный мозг, мозг’ < **mazgá(n)-* ~ др.-инд. *majjān-* m. ‘костный мозг’, непосредственная праформа для *lemá* выглядит как переход в **a*-основу с потерей конечного *-*n*.

22. *mandá* m. ‘широкая лощина’, ванечи ‘широкая река в разливе’ < **ham-ant(i)ya-* ? (NEVP: 50).

23. *māstá*, вазири *mostá* f. pl. ‘кислое молоко; варенец’ < **mad-tāh* (NEVP: 52). Для слова с такой семантикой оформление в виде pl. tantum достаточно ожидаемо, ср. рус. сливки.

24. *niká* m. ‘дед’ — по всей видимости, связано с авест. *niiāka-* ‘дед’, но сохранение **k* и конечный зваракай делает восстановление праформы сложным (NEVP: 56). Не так ясен и вокализм.

25. *nanjṛá, nanzṛá* m. pl. ‘деготь, смола’ с непрозрачной внутренней формой, но рассматриваемое слово, очевидно, соотносимо с *rang* ‘цвет’ (NEVP: 58).

26. *rāyá; rayá* f. ‘дол, луга; равнина (каменистая или песчаная)’ — связано с перс. *rāy* ‘то же’, согд. *r’γ*, хот.-сакск. *rrai* ‘равнина’, осет. *rāy* ‘спина; хребет; гребень горы’ (NEVP: 69).

27. *rindá* m. ‘нож шорника’ (NEVP: 70), также *рундá* f. (ПРС: 461). Необходимо отметить параллелизм с рассмотренными выше тремя случаями *тирýá, тэрýá* m. ‘птица (часто хищная)’ ~ *марýá-* f. ‘небольшая птица’; *bāñá* m. sg. и pl. ‘ресница, ресницы’ ~ *bəñá* ‘пе-

² Данная форма, очевидно, множественного числа, хотя это и эксплицитно не указано в источнике.

po' и *bāñá* 'ресница'; *γārmá* m. 'жара, зной; жар солнца' ~ *γārmá* f. 'полдень'. Однако этимология и, соответственно, акцентуация, неясны.

28. *rāñjá* m. pl. 'сурьма, антимоний' (NEVP: 70). Как и приведенные выше формы *nanjṛá*, *nanzṛá* m. pl. 'деготь, смола', данная основа может быть родственна *rang* 'цвет' — Г. Моргенштерне восстанавливает **rangiya-*, отмечая уникальность кластера *-nj-* для языка пушту.

29. *sābá* m. pl., obl. *sabó* 'овощи, зелень', также 'кормовая трава' (NEVP: 73).

30. *skāsá* m., *skásá* f. 'призрак, привидение' < **us-kasya-* (NEVP: 74).

31. *šəwá* f. 'дерево шишам, *Dalbergia sissoo*' (NEVP: 80).

32. *tyārá* f. 'темнота' от *tor* 'черный, темный' (NEVP: 84).

33. *tiyāšá* f. вазири 'лемех' < **taš(i)yā-*, ср. перс. *tēša* 'мотыга, кирка' (NEVP: 84).

34. *wāxá* m. pl. 'трава'; ванечи *wušá* 'трава' < **wastr(iy)a-* (NEVP: 93).

35. *xwālá* m. 'раскрывающий секреты, тайны' < **xwaθyā-* ? (NEVP: 97).

Можно заметить, что и в расширенном списке (примеры 16–35) в основном содержатся основы, в которых конечный зваракай с большой вероятностью восходит к **(i)ya*, **(u)wa* или **-āh*.

Стоит обратить внимание на тот факт, что в словаре (КАРС) содержится ряд форм с безударным зваракаем, но все они в подавляющем большинстве имеют стандартные дубликаты с окончанием *-a* в других источниках.

Немногочисленные отличия данных словарей Зудина от данных словарей Асланова и Лебедева сводятся к следующим:

КАРС = Зудин 1950	ПРС = Асланов 1985	РАСП = Лебедев 1973
<i>ácy</i> (i) f. 'поиски, разыскивание' 16 Также <i>hañá</i> 'хлопоты, старания; иск, требование, притязание' 338	<i>áca</i> f. 'старание, стремление; попытка, проба; бросок; наступление, продвижение вперед' 29	<i>háca</i> f. 'стремление, старание' 698, 704
<i>axísty</i> ~ <i>axísty</i> f. 'выдержка, извлечение' 17–18	<i>axistá</i> f. 'прием; принятие, получение; взятие, схватывание; покупка, приобретение' 34	
<i>úrjy</i> (-i) m. 'первое молоко после отёла, молозиво' 21	<i>urǰá</i> m. 'молозиво; молоко новотельной коровы со специями' 87	<i>urǰá</i> pl. f. 'молозиво' 336
<i>azāngy</i> (-i) f. 'эхо; гул' 25	<i>azāngá</i> , <i>azāngá</i> f. 'отголосок, отзвук, эхо' 45	<i>azāngá</i> f. 'эхо' 809 <i>azāngá</i> f. 'отголосок, отзвук' 454, 456
<i>óžy</i> f. 'чеснок' 47	<i>ýza</i> f. 'чеснок' 89	<i>hýza</i> f. 'чеснок' 788
<i>ísty</i> f. 'устранение, отстранение, удаление; откладывание' 51	<i>istá</i> m. pl. 'выбрасывание, выкидывание; выталкивание; исключение, удаление' 96	
<i>bádý</i> (-i) f. 'цель, мишень' 62	<i>báda</i> f. 'пояс шаровар; мишень, цель; луна на ущербе; взятка' 114	
<i>nály</i> (-i) f. 'лемех; осколок (напр. стекла)' 93	<i>nál</i> m. 'лемех' 155	<i>nál</i> m. 'лемех' 303

КАРС = Зудин 1950	ПРС = Асланов 1985	РАСП = Лебедев 1973
<i>nā́ngы</i> (-й) f. 'капитал, состояние' 94 <i>nā́ngы</i> (-й) f. 'то же' 118	<i>nā́nga</i> f. 'капитал; перен. достояние, ценность, богатство, ресурсы' (ПРС: 156).	<i>nā́nga</i> f. 'капитал' 259
<i>nā́ny</i> (-й) f. 'клин для колки дров' 94	<i>nā́ná</i> f. 'клин (деревянный); колодки (для пыток)' 156	<i>nā́ná</i> f. 'клин' 267
<i>prá́ты</i> (-й) f. '1. абсурд, глупость, бессмыслица, чепуха 2. нареч. кроме, без, исключая; отдельно' 101	<i>prá́ta</i> f. 'вздорный, бредовый, бессмысленный; сумбурный' и <i>prá́ta</i> 'без; кроме, помимо, сверх' 164	
<i>nā́rшы</i> (-й) f. 'каменная глыба; плотный слежавшийся песок' 102	<i>nā́rxa</i> f. 'валун' 166	<i>nā́rxa</i> f. 'глыба (каменная)' 125
<i>trá́ды</i> (-й) f. 'тесьма; лохмотья, рубище' 137	<i>trá́da</i> f. 'полоска; лента, тесьма' 222	
<i>týrxy</i> (-й) f. 'полынь, перец' 139	<i>týrxa</i> f. 'полынь' 225	<i>týrxa</i> f. 'полынь' 531
<i>xýры</i> (-й) f. 'рассвет, раннее утро' 232	<i>xá́ra</i> f. 'наносный ил; муть' 376 <i>nā́ shānā́ xá́ra</i> рано утром, на заре	
<i>sā́нды</i> (-й) f. 'жалоба, плач, причитание'	<i>sā́nda</i> f. 'стенание, плач, оплакивание' 492	<i>sā́nda</i> f. 'причитание' 576
<i>sā́ngы</i> (-й) f. 'ветка; пика, копьё' 308	<i>sā́nga</i> f. 'ветвь, ответвление; пика, копьё' 492	<i>śā́nga</i> f. 'ветвь' 68
<i>stýвы</i> (-й) f. 'штык, кинжал' 315	<i>stýva</i> f. 'кинжал' 503	<i>stýva</i> f. 'кинжал' 264
<i>shpá́жы</i> (-й) f. 'вошь' 338	<i>shpá́ga</i> f. 'вошь' 542	<i>shpá́ga</i> f. 'вошь' 90 <i>spá́ga</i> f. 'то же' 90
<i>mā́лгы</i> (-й) f. 'соль' 467	<i>mā́lga</i> f. 'соль' 782	<i>mā́lga</i> f. 'соль' 684

Необходимо указать на значительную вариативность в вокализме и консонантизме отмеченных основ; тем не менее, безударный *-ы* (*-ə*) в словаре Зудина в других словарях в одном случае соответствует стандартной односложной основе мужского рода ('лемех'), в трех случаях — ударному зваракаю и, наконец, ударному или безударному *-а* во всех остальных приведенных в других лексикографических источниках основах.

Таким образом, в именных основах безударный конечный зваракай в принципе исключен. Далее противопоставлены суффиксы *-ау* < **a-ka-*, который может быть ударным или безударным в зависимости от праиранского ударения, что основательно продемонстрировано в статье Дыбо 1974: 90–102, и его соответствие в женском роде, *-áу* < **ā-kā-*, которое всегда ударно, ср. Ве́рка 1969: 85. Соответственно, можно предполагать, что и в данном случае происходила морфологизация ударения в сторону ударности окончания.

Для иллюстрации унаследованного характера различия *'-ау* < **'-a-ka-* ~ *áу* < **-a-ká-* можно привести ряд примеров, которые по большей части перечислены в статье Дыбо 1974.

Основы с безударным суффиксом *-ау*

1. Афг. *ṓzay* 'плечевая кость' < **bázuka-* < **bāzú-*.
2. Афг. *zámay* 'зима' < **zímaka-* при производящем **zímá-*, ср. авест. *zə́maka-* 'зимняя буря', др.-инд. *hímá-* 'холодный; зима'.
3. Афг. *máray* 'труп, мертвец' < **mṛ́taka-* < **mṛ́tá-*, в древнеиндийском соответствиями являются формы *mṛ́tá-* 'мертвый' и *mṛ́taka-* 'умерший, труп' с незасвидетельствованным ударением.

4. Афг. *tóžay*, ванечи *tórža* ‘томимый жаждой, жаждущий’ < **tṛsuka*- < **tṛsú*-, индоевропейские соответствия, указывающие на место ударения, — др.-инд. *tṛsú*- ‘жадный, жаждущий’; прагерм. **purzu*- < **pursú*- (др.-в.-нем. *durri*, др.-сакс. *thurri*, др.-англ. *pyrre* «с перестройкой и-основы в основу на -ja-») (Дыбо 1974: 90–91).

5. Афг. *žóway* ‘живой’ < **jíwaka*- < **jīwá*- (ср. др.-инд. *jīvā*- ‘живой, живущий; животное’).

6. Афг. *stóray* ‘звезда’ < **stáraka*-, слово имеет точную древнеиндийскую параллель *táraka*- ‘звезда’.

7. Афг. *wórgay* ‘почка’ < **wṛtkaka*- с контрастной баритонезой, ср. др.-инд. *vṛkká*-, авест. *varəḍka*- ‘почка’, по всей видимости, от праиндоевропейского глагола **wert*- ‘поворачивать’ (EWAia II: 571–572).

Основы с ударным суффиксом -áyu

Здесь следует особо отметить, что в пушту при изначальной праязыковой окситонезе в трехсложных формах на *-a-ká происходит перенос ударения на предпоследний слог с дальнейшим усечением последнего слога *-ka до -y. Похожие процессы наблюдаются также в парачи и ормури.

1. Афг. *mrayáyu* ‘раб, невольник’ < **maryaká*- < **márya*-, ср. др.-инд. *márya*- ‘молодой мужчина; жених; молодой женатый мужчина’, авест. *mairiia* ‘мужчина (дэвовское слово); лжец; негодяй, подлец’ и др.-инд. *maryaká*- ‘человечек’.

2. Афг. *nwasáyu* ‘внук’ < **naptraká*-, но Д. И. Эдельман отмечает, что более вероятна реконструкция **napā(t)saká*-, в ее формулировке — «ном. **napāts* > **napās* с наращением суффикса -aka» (ЭСИЯ 5: 473).

3. Афг. *wráyu* ‘ягненок’ < **waraká*-, окситонеза **waraká*- образована по правилу контрастного ударения от вед. *úrān*-, *úraṇa*- ‘ягненок’ и продолжает более раннее **warṇká*-.

4. Афг. *axsáyu* ‘шурин, зять’ < *(ā)-*hwaśruká*- или *(ā)-*hwaśuryaká*- при производящей основе **hwáśura*-, ср. др.-инд. *śváśura*- ‘свекор’, герм. **swéhuraz* ‘свекор’ (др.-в.-нем. *swehur*, др.-англ. *sweor*).

5. Афг. *zyaráyu* ‘желтый, бледный’, *zēráyu* ‘желтуха’ < **žaritaká*- < **žárita*-.

Соответственно, на синхронном уровне конечные -á и -áyu всегда несут ударение, в отличие от -a и -ay. К сожалению, из-за слабой изученности сравнительно-исторической фонетики пушту и проблем с реконструкцией промежуточных ступеней фонетических переходов от праиранского состояния к современному невозможно оценить, насколько древним является морфологизация ударения на зваракае. Также непонятно, насколько она была вызвана фонетическими факторами.

Имеющиеся данные могут свидетельствовать в пользу того, что основы на *(i)ya и *(u)wa, а также словоформы, имевшие конечный формант *-āh, давали в результате a, а *ā-kā(ī)-основы переходили в конце концов в áyu, с перетяжкой ударения. Соответственно, морфологизация *a-основ идет в противоположном направлении.

Также параллельная ситуация с ударным зваракаем и потерей окситонезы в именах с праиранской основой на *-a может служить свидетельством в пользу того,

что в истории пушту в **a*-основах на определенном этапе звукового развития мог появляться **u*, который становился редуцированным и терял ударение. Напротив, такие сочетания, как **(i)ya*, **(u)wa* или **-āh* могли давать долгий звук похожего качества, который удерживал и даже перетягивал на себя ударение в отдельных случаях, что в дальнейшем могло привести к окончательной морфологизации конечного ударения на сохранившийся зваракай. Ударный зваракай, соответствующий **-am*, сохраняется только в архаических основах за ‘я’ < **ahám* и *ōwá* ‘семь’ < **haptám*. Также реконструкция **abrám* предлагается Дж. Ченгом для *o(w)rá*, *wará* ‘облако’ < (Cheung 2011: 180). Не исключено, что **-as* и **-am* действительно различались по рефлексам, что влияет на сохранение *-ə* в указанных случаях при условии изначальной окситонезы. С другой стороны, такому правилу будут прямо противоречить разобранные выше примеры *nən* ‘сегодня’ < **nīnám*, ср. др.-инд. *nīnám* ‘сейчас’ и *pal m.* ‘ступня, след ноги’ < **padám*, что заставляет предпочитать отдельное объяснение для за ‘я’ < **ahám* и *ōwá* ‘семь’ < **haptám*.

Наконец, есть еще один малочисленный, но примечательный тип основ, а именно с окончанием на долгий *-ā*. Необходимо признать, что его происхождение до сих пор не является установленным, так как и Г. Моргенштерне, и Дж. Ченг возводят *mlā* f., pl. *mlāwi* и *mlāgāni* ‘поясница, чресла’ к праир. **mādyā* (NEVP: 49; Cheung 2010: 113), что не может быть верным, поскольку подобные же основы должны давать конечный *-a*, как показывают и приводимый Дж. Ченгом непосредственно рядом с *mlā* < **mēlá* < **mēlyā* < **māidyā* < **mādyā* f. пример *p(ə)la* ‘жила; сухожилие; связка’ < **pelá* < **pēlyā* < **pāidyā* < **pādyā* f., и другие многочисленные основы языка пушту на *-a*, в том числе разобранные выше. В этимологическом словаре Г. Моргенштерне содержатся следующие формы с конечным *-ā*:

anā ‘бабушка’ — может быть заимствованием, ср. тур. *ana*, или как-то соотноситься с осет. *ama* ‘мать’ или собственно пушту *nyā* ‘бабушка’ (NEVP: 8);

byā, ванечи также *byār*, *bā* ‘снова’ — возможно, индоарийское заимствование, ср. пенджаби и лахнда *biā* ‘again’ и т. д., выведение в EVP из иранского и сравнение с авест. *apāiia* ‘позже, потом’ менее вероятно (NEVP: 16);

dā adj.; *day m.*, *dā f.* (косв. *də m.*, *de f.*, pl. *duy*) pron. ‘этот’ — выведение < **ita*/**ayta* представляется наиболее вероятным, но появление долгого гласного в исходе не так ясно (NEVP: 22);

γwā, вазири *γwo* f. ‘корова’ < **gawā* (NEVP: 33). Непосредственно такой вид основы представляется сомнительным ввиду того, что ожидалось бы сокращение конечного пшт. *-a* < **-ā*.

hā f., PQ *áya*, (h) *óya*, африди *woya*, вазири *yowya*, *yīya* ‘яйцо’ < Г. Моргенштерне реконструирует **āyā* наряду с **āwyā*, ср. авест. *aiia* ‘яйцо’ (NEVP: 35);

kanū ‘несметный’ < **a-karānā* ?, ср. пехлеви *a-kanārag* ‘безграничный’. Окончание *-yā* при этом остается неясным (NEVP: 39)

lā, вазири и др. диалекты *lya* ‘еще, все еще, до сих пор’ — выведение из авест. *haða* ‘всегда’ не может фонетически объяснить форму *lya* (NEVP: 42);

nyā, вазири *nio* ‘бабушка’ — сопоставляется с авест. *nīiākā*, но на это слово могло оказать влияние перс. *nīya* ‘дедушка’ (NEVP: 60);

plā f., pl. *-we* ‘путешествие, поездка за рубеж (в т. ч. с торговыми целями); раз, однажды; конец, поездка в одну сторону’ — данное слово сравнивается с авест. *paθā-* ‘дорога’, Г. Моргенштерне с сомнением приводится праформа **paθuyā-*? (NEVP: 69).

šā f. ‘спина’. Этимология неясна (NEVP: 79);

tanā, tanā f. ‘гром’ — ср. перс. *tandar* ‘гром’, *η* может быть вторичного происхождения (NEVP: 82);

xwā f.; вазири *xwo* ‘сторона, направление’. Связно с *pa-xwā ~ pə-xwā* ‘до, прежде чем; прежде, раньше’, этимология неясна (NEVP: 97);

xwərā adv. ‘очень’ — ср. пехлеви *frāy* ‘много, больше’ и т. д. (NEVP: 97);

zoḥā f. ‘вид сиропа (сделанного из ягод)’ — в этимологическом словаре пушту выводится из **žauštrā-*, ср. авест. *ziš-* ‘получать удовольствие, наслаждаться’ (NEVP: 104).

Все эти слова также имеют конечное ударение. Возможно, конечный *-ā* восходит к какой-то последовательности типа **āyā, *āwā* и т. п., а в дальнейшем всегда получает конечное ударение вследствие морфологизации, как и в других случаях. Еще менее ясно происхождение ударного суффикса *-ū* — для его трактовки просто нет достаточного количества этимологического материала.

Таким образом, при указании на архаичность ударения в пушту следует делать оговорку: архаическое праиранское ударение лучше всего прослеживается в словах, продолжающих **ā*-основы, на что обращал внимание Г. Моргенштерне (Morgenstierne 1983: 169), а также в словах на **-ay*, суффикс которых восходит к **-a-ka* — данный тип наиболее последовательно рассмотрен В. А. Дыбо, как было указано выше; это же касается ряда глагольных основ (Дыбо 1989). Многие другие основы, по всей видимости, морфологизировали свое ударение: **a*-основы утрачивали окситонезу и начинали выглядеть так же, как изначально баритонированные; напротив, слова пушту с конечным зваракаем и долгим *-ā* обобщают конечное ударение. Сюда же можно добавить многочисленные примеры конечноударных суффиксов. Развитие акцентуации в пушту походит в ряде отношений на эволюцию ее в парачи и ормури, где подобные процессы происходят с **a*-основами и рядом других, а старое ударение можно наблюдать только в ограниченном ряде имен и глаголов и их форм.

Литература

- Герценберг, Л. Г. 1981. Об афганском ударении. *Иранское языкознание. Ежегодник 1980*. Москва: 48–56.
- Грюнберг, А. Л. 1987. *Очерк грамматики афганского языка (пашто)*. Ленинград: Наука.
- Грюнберг, А. Л., Д. И. Эдельман. 1987. Афганский язык. В кн.: В. И. Абаев, М. Н. Боголюбов, В. С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа*: 6–154. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1961. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. *Вопросы славянского языкознания* 5: 9–34.
- Дыбо, В. А. 1972. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках. В кн.: С. Б. Бернштейн (ред.). *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12–14 декабря): Предварительные материалы*: 38–44. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1974. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. I. Именная акцентуация. В кн.: Т. М. Судник (ред.). *Балто-славянские исследования*: 67–105. Москва: Наука.

- Дыбо, В. А. 1989. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. II. Глагольная акцентуация. В кн.: Н. И. Толстой (ред.). *Славянский и балканский фольклор. Просодия: Сборник статей*: 106–147. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1990. О ритмической концепции Л. Г. Герценберга в пуштунской акцентологии. В кн.: В. М. Гусалов (ред.). *Вопросы иранистики и алановедения (Научная конференция, посвященная 90-летию В. И. Абаева). Владикавказ, 18–20 октября 1990 г. Тезисы докладов*: 10–12. Владикавказ: Северо-Осетинский НИИ ИФЭ.
- Дыбо, В. А. 2011. Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии. В кн.: Е. К. Молчанова (ред.). *Лексика, этимология, языковые контакты: к юбилею доктора филологических наук, профессора Д. И. Эдельмана*: 92–167. Москва: Тезаурус.
- Ефимов, В. А. 1986. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении*. Москва: Наука.
- КАРС = Зудин, П. Б. 1950. *Краткий афганско-русский словарь*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- ПРС = Асланов, М. Г. 1985. *Пушту-русский словарь*. 2-е изд. Москва: Русский язык.
- РАСП = Лебедев, К. А, Л. С. Яцевич, З. М. Калинина. 1973. *Русско-афганский словарь (пушту)*. Москва: Советская энциклопедия.
- ЭСИЯ = Расторгуева В. С., Д. И. Эдельман. 2000-. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва: Восточная литература РАН.

References

- Bečka, Jiří. 1969. *A Study in Pashto Stress (Dissertationes Orientales, 12)*. Prague: Oriental institute in Academia.
- Cheung, Johnny. 2010. Selected Pashto problems. I: The accent in Pashto. *Persica* 23: 109–121.
- Cheung, Johnny. 2011. Selected Pashto problems II. Historical phonology 1: On vocalism and etyma. *Iran and Caucasus* 15: 169–205.
- Dybo, Vladimir A. 1961. Sokrashchenie dolgot v kel'to-italijskix jazykax i ego znachenie dl'a balto-slav'anskoj i indoevropskoj akcentologii. *Voprosy slav'anskogo jazykoznanija* 5: 9–34.
- Dybo, Vladimir A. 1974. Afganskoe udarenie i ego znachenie dlja indoevropskoj i baltoslavjanskoj akcentologii. I. Imennaja akcentuacija. In: T. M. Sudnik (ed.). *Baltoslavjanskije issledovanija*: 67–105. Moskva: Nauka.
- Dybo, Vladimir A. 1989. Afganskoe udarenie i ego znachenie dlja indoevropskoj i baltoslavjanskoj akcentologii. II. Glagol'naja akcentuacija. In: N. I. Tolstoj (ed.). *Slavjanskij i balkanskij fol'klor. Prosodija: Sbornik statej*: 106–147. Moskva: Nauka.
- Dybo, Vladimir A. 1990. O ritmicheskoj koncepcii L. G. Gercenberga v pushtunskoj akcentologii. In: V. M. Gusalov (ed.). *Voprosy iranistiki i alanovedenija (Nauchnaja konferencija, posv'ashchennaja 90-letiju V. I. Abaeva). Vladikavkaz, 18–20 okt'abr'a 1990 g. Tezisy dokladov*: 10–12. Vladikavkaz: Severo-Osetinskij NII IFÉ.
- Dybo, Vladimir A. 2011. Drevneindijskij akcent v dardskom jazyke shina kak problema indoevropskoj akcentologii. In: E. K. Molchanova (ed.). *Leksika, ètimologija, jazykovye kontakty: k jubileju doktora filologicheskix nauk, professora D. I. Èdel'man*: 92–167. Moskva: Thesaurus.
- Efimov, Valentin A. 1986. *Jazyk ormuri v sinkhronnom i istoricheskom osveschenii*. Moskva: Nauka.
- ESIY = Rastorgueva, Vera S., Dzhoy I. Èdel'man. 2000-. *Ètimologicheskij slovar' iranskix jazykov*. Moskva: Vostochnaja literatura RAN.
- EVP = Morgenstierne, Georg. 1927. *An Etymological Vocabulary of Pashto*. Oslo: Jacob Dybwad.
- EWAia I–II = Mayrhofer, Manfred. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I–II Bde.* Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Gauthiot, Robert. 1916. De l'accent d'intensité iranien. *Mémoires de la Société de linguistique de Paris* 20(1): 1–25.
- Grjunberg, Aleksandr L. 1987. *Očerki grammatiki afganskogo jazyka (pashto)*. Leningrad: Nauka.
- Grjunberg, Aleksandr L.; Edel'man, Dzhoy I. 1987. Afganskij jazyk. In: *Osnovy iranskogo jazykoznanija: Novoiranskije jazyki: Vostochnaja gruppа*. Moskva: 6–154.
- Herzenberg, Leonard G. 1981. Ob afganskom udarenii. *Iranskoe Jazykoznanie. Ezhegodnik* 1980: 48–56.
- Hirt, Hermann. 1929. *Indogermanische Grammatik. V. Der Akzent*. Heidelberg: Winter.
- IEW = Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: French & European Publications.
- KARS = Zudin, Petr B. 1950. *Kratkij afgansko-russkij slovar'*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyx i nacional'nyx slovarnej.

- Meillet, Antoine. 1897. *Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave*. Paris: Hachette.
- Meillet, Antoine. 1900. La déclinaison et l'accent d'intensité en perse. *Journal asiatique* 15: 254–277.
- Morgenstierne, Georg, Arthur Lloyd-James. 1928. Notes on the Pronunciation of Pashto (Dialect of the Hazara District). *Bulletin of the School of Oriental Studies* 5(1): 53–62.
- Morgenstierne, Georg. 1942. Archaisms and innovations in Pashto Morphology. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap* 12: 88–114.
- Morgenstierne, Georg. 1973. Traces of Indo-European Accentuation in Pashto? *Norwegian Journal of Linguistics (formerly Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap)* 27: 61–65.
- Morgenstierne, Georg. 1983. Bemerkungen zum Wort-Akzent in den Gathas und im Paschto. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 42: 167–175.
- Mylius, Klaus. 1975. *Wörterbuch Sanskrit-Deutsch*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, VEB.
- NEVP = Morgenstierne, Georg. 2003. *A new etymological vocabulary of Pashto / by Georg Morgenstierne; compiled and edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and Nicholas Sims-Williams*. Wiesbaden: Reichert.
- Novák, L'ubomír. 2013. *Problem of Archaism and Innovation in the Eastern Iranian Languages*. PhD. Diss. Charles University.
- PRS = Aslanov, Martiros G. 1985. *Afgansko-russkij slovar (pushtu)*. 2nd ed. Moskva: Russkij jazyk.
- RASP = Lebedev Konstantin A., L'udmila S. Jacevič, Zoja M. Kalinina. 1973. *Russko-afganskij slovar' (puštu)*. Moskva: Sovetskaja ènciklopedija.
- Raverty, Henry G. 1856. *A Grammar of the Pukhto, Pushto or Language of the Afghans*. Calcutta: J. Thomas.
- Raverty, Henry G. 1860. *A Dictionary of the Pukhto, Pushto or Language of the Afghans*. London: Longman, Green & Co.
- Yakubovich, Ilya, Alice Mouton. 2023. *Hittite-Luwian Ritual Texts Attributed to Puriyanni, Kuwattalla and Šilalluḫi (CTH 758–763)*. Wiesbaden: Harrassowitz.

Artem Trofimov. On the rules of stress in Pashto nominal stems

The aim of this paper is to clarify the rules of accentuation in Pashto and its historical background. Based on etymological analysis of different morphological categories, I propose the following explanation of the development of Pashto accentuation patterns in the most common nominal stems: (a) words originating in Proto-Iranian **ā*-stems and stems with the suffix **-a-ka* retain the Proto-Iranian accent; (b) **a*-stems usually lose oxytonesis; (c) stems resulting in Pashto *ə* or final long *-ā* generalize the final stress. The data demonstrate that the original paradigms with mobile stress underwent morphologization in Pashto. As a result, the vast majority of modern Pashto forms have stress on the final syllable.

Keywords: Pashto language; Proto-Iranian language; accentuation; Old Indian language; Proto-Indo European.

